

158.  
30309

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО

# ВЕЛИКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО



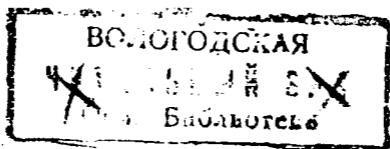
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»  
№ 51

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»  
МОСКВА — 1942



АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО

ВЕЛИКОЕ  
ТОВАРИЩЕСТВО



Издательство „Правда“

Москва — 1942

## СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ночь перед боем. . . . .	3
Великое товарищество . . . . .	21
Украина в огне . . . . .	31

Зам. отв. редактора И. БРУХИМОВИЧ

---

Издательство «ПРАВДА». Изд. № 809.

---

А61675. Заказ типографии 2503. Тираж 50.000 экз.

---

Формат бум. 105×140 мм. Печ. л. 1¼. Зн. в 1 п. л. 43.200.

---

Цена 20 коп. Подписано к печати 14/X 1942г.

---

Тип. газ. «Правда» имени Сталина: Москва, ул. «Правды», 24.

## НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

— Товарищ командир! Завтра вы поведете нас в бой. Мы все вот тут — и старики, что по полгоду на войне, и молодые, вроде Овчаренко, что идут в бой впервые, все мы знаем, что завтра бой будет горячий, и кое-кто из нас, конечно, погибнет. Правду я говорю?

Иван Дробот, молодой танкист с чрезвычайно приятным и скромным лицом, волновался.

— Правду, — ответил просто и спокойно Герой Советского Союза, знаменитый их командир Петро Колодуб. — Продолжайте, Дробот, что вы хотели сказать перед боем.

— Я хотел спросить вас, хотя о вас пишут во всех газетах и на собраниях говорят, как о человеке бесстрашном и неутомимом, хоть вы на вид, извините, такой маленький и не очень как будто здоровый, так вот, откуда оно у вас берется все это, что говорят, и сами мы знаем, что вы из любого пекла выходите победителем; так вот, что вы за человек такой, скажите нам неофициально, как будто мы и не на войне

совсем. Где ваш не боевой, а, как бы сказать, внутренний секрет? Может, я не так высказался, извините.

Дробот покраснел от своего долгого и путанного вопроса. Ему казалось, что он неясно выразился, и это его совсем расстроило.

— Нет, хорошо, Дробот. Вы прекрасно и тонко высказали свою мысль, и я с большой охотой вам отвечу, тем более, что и секрет такой у меня, действительно, есть.

Все бойцы и командиры, а их было в землянке человек тридцать, задвигались и, расположившись для долгого и приятного слушания, притихли. Командир умел рассказывать. Они были добрые бойцы, и Петро Колодуб любил их. Отложив на походный столик трубку, он немного выждал, пока стало совсем тихо.

— Это было на Десне,— начал знаменитый капитан, улыбнувшись.— Да... Одним словом, самый обыкновенный наш украинский дед-рыбалка перевернул мне тогда всю душу.

Кто из бойцов, познавших всю тяжесть прошлогоднего немецкого вторжения, забудет этого деда? Помните осень? Что ни река, то и драма, то и перевозчики-деды, словно добрые речные духи. Они были смелые, эти деды, суровые, и не боялись смерти. Кое-кто сказал бы, что они не любили нас на переправах. Иной раз их нелюбовь к нам, ну, прямо-таки не знала границ. Было такое?

— Было,— вздохнули в землянке.

— Ну, так вот, слушайте.

Капитан Колодуб подобрал под себя ноги,—это была его любимая поза с пастушеского детства,—и, упершись руками в колени, посмотрел на бойцов.

В землянке было накурено. Бойцы сидели в полутьме в самых разнообразных позах, прислонившись друг к другу. Все они были разные и все родные. Всех их объединяло чувство единой семьи, то незабываемое и неповторимое, что перед лицом ежедневных опасностей сближает на войне чистые сердца юношей, что остается потом у человека самым дорогим воспоминанием на всю его жизнь.

Пройдут года, заживут раны, запашутся вражьи могилы, застроятся пожарища, и многие события перепутаются в седых головах от частых воспоминаний и превратятся в рассказы, но одно останется неизменно верным и незабываемым — высокое и благородное чувство товарищества и братства всех бойцов, что уничтожило и стерло с лица земли немецкое безумие.

— Мы отходили без связи, без артиллерии, мы отступали на восток день и ночь. Вражьи клещи вот-вот должны были сомкнуться перед нами. Мы несли на плечах своих раненых товарищей, падали с ними, проклинали все на свете и шли дальше. Правду сказать, были такие, что и стрелялись в отчаянии и гордости. Были такие, что бросали оружие и с горькой бранью ползли к своим хатам, не имея духу пройти мимо.

Колодуб замолк, задумавшись.

— Нас было немного, человек пятнадцать,— сказал он, погодя.— Было несколько танкистов из разбитых танков, были пулеметчики, политработники, два борт-механика, радист и даже один полковник без полка. Я был тогда еще командиром танка, оставшегося у немцев с пробитым мотором. А до войны я был садовником, песни пел, дивчаток любил, да, кажется, и все.

Капитан Колодуб так тепло и вместе с тем с такой иронией усмехнулся, что за ним усмехнулась вся землянка.

— Мы выбились из сил. Ноги нас уже не несли, наступала ночь. Перед нами, за селом, большзья река. Многие из нас не умели плавать. А немцы были недалеко. Нам указали хату перевозчика.

— Тикаете, бисовы сыны? — спросил нас дед Платон Пивторак, выходя из сеней с веслом, сетью и деревянным черпаком.— Богато я уже вас перевез. Ой, богато, да здоровые все, да молодые, да все — перевези, да перевези... Савка! — крикнул Платон в соседнюю хатку.— Пойдем, Савка. Надо перевозить — нехай уж тикают. Га?! Пойдем, пойдем, это уже, мабуть, последние.

Савка вышел из своей хаты и смотрел на нас с притворным удивлением. Было ему лет семьдесят, если не больше. Был он маленький, с подстриженной бородкой, очень похожий на икону Николая Угодника, если бы безобразная, как коровий кизяк, кепка не лежала у него на ушах, да землистого, так сказать,



цвета свитер не висел на нем, как отцовский пиджак на подростке.

За дедом Савкой из сеней вышел здоровый хлопец с двумя веслами.

— Э-г-е-е! Что-то вы, хлопцы, не той, не как его, не туда, будто, идете,— сказал дед Савка и хитро посмотрел на нас.— Одежка вот на вас новая, да и торбочки, и ремни, эге, и сами молодые, а заворачиваете неначе не туды, га?

— Пойдем уж, довольно,— сказал Платон.

Пошли.

— Успокойтесь, лодка есть и довольно порядочная,— прошептал я нашему слутнику Борису Троянде, который все время волновался больше всех. Он не умел плавать.

— Вы думаете, они нас перевезут? По-моему, надо быть очень осторожными,— сдерживая волнение, сказал Троянда.

— Не знаю, чего они так тикают? — сказал дед Платон, идя с Савкой к реке, как будто нас тут вовсе и не было.

— Чего они так той смерти боятся? Раз уж война, так ее нечего бояться. Уж если судилась она кому, так и не сбежишь от нее никуда.

— Эге! — согласился Савка.— Уж, как говорится, ни в танке не спрячешься, ни в печи не замаяжешься.

— Душа же серьезная, разбалованная.— сердился Платон.— Ты возьми моего Левко. Как он на Халхин-

голе тех самых, как их, бил? Всех до одного вычистил! Читал письмо? Полковник Левко Пивторак, я понимаю! А это кáзна-що, не люди.

Мы шли молча тропинкой в густом лозняке. Деда шли впереди с сетками и веслами, очень медленно, как на обычную рыбную ловлю, и, казалось, не обращали никакого внимания ни на орудийную стрельбу, ни на рев вражеских самолетов,— словом, весь немецкий фейерверк, что так замучил нас за последние дни тяжелого отступления, для них <sup>вовсе</sup> не существовал.

— Слушай, старик,— ты не можешь итти немножко быстрее? — обратился к Платону Троянда.

Платон не ответил.

— Слушайте, диду, вы не можете итти немножко швидче? — сдерживая себя, спросил Троянда еще раз.

— Не могу,— ответил Платон.— Чего вы такой швидкий стали, кто вас знает? Стар'я уже швидко ходить. Отходил свое.

— Скажите, а где речка? Далеко речка?

— А вот и речка.

Действительно, лозняк сразу кончился, и мы вышли на чистый песчаный плес. Перед нами была тихая, широкая Десна. За рекою крутой берег, а далее вправо снова пески и лозы. За ними темные леса, а над рекою и под лесами вечернее небо, какого я никогда в жизни таким не видел.

Солнце давно уже зашло. Но его лучи еще осве-

щали из-за горизонта верхи исполинского нагромождения туч, что надвигались с запада на все небо. Тучи были тяжелые, темно-темносиние, снизу, совсем черные, а самый верх, самый венеч их, почти над нашими головами написан был буйными кручеными кроваво-красными и желтыми мазками.

Величественные немые молнии воробьиной ночи полыхали меж громадами туч, почти не угасая. И все это отражалось в воде, и казалось, что мы стояли не на земле, и что реки нет, а есть межоблачный темный простор, и мы, затерянные в этом просторе, как речные песчинки.

Небо было необычайное. Природа была словно в заговоре с событиями и предупреждала нас своими грозными знаками. Рыба боялась такой ночи и бросалась на отмели у берегов. Где-то за нами, под самыми тучами, взносились, как змеи, немецкие ракеты. Было светло. Светило желтоватым отблеском зловещей короны туч. Далеко гремели орудия. Мы стояли неподвижно. Было что-то торжественное и грозное вокруг. Все приумолкло и растерялось, точно перед каким-то необыкновенным событием.

~~Ну~~ Ну, сидайте, повезем. Чего стали? — сказал дед Платон. Он уже стоял с веслом возле челна.

— Повезем уже, а там что бог даст. Не умели соблюсти себя, так уже повезем, тикайте, чорт вашу душу бери... Куда ты шатаешь? Челна не видел, воин? — задремал дед на кого-то из нас. Мы молча усе-

лись в лодку, и каждый стал думать свою невеселую думу.

— У тебя готово, Савка?

— Можно.

— А туч наперло. Ач, що робится! Страшный суд, что ли, начинается?

Дед Платон поглядел на небо и плюнул в ладонь. Потом он взял весло и сильным рывком оттолкнулся от берега. Савка с внуком налегли на боковые весла. Челн был большой и старый. Весь он был просмолен и иссечен временем.

Я сидел в челне вблизи деда Платона. Я смотрел на тихую реку, и на берега, и на сурового кормчего, что возвышался надо мною на фоне торжественного неба. Мне показалось, что меня перевозят на тот свет. Стыд и отчаяние, и невыразимая тоска, и множество других чувств охватили мою душу, скрутили ее и пригнули. Прощай, моя красавица Десна!

Меня вывел из задумчивости голос Платона. Он продолжал с Савкой свою беседу, оскорбительную и горькую для нас. Видно, его что-то мучило, что-то хотелось ему додумать до конца. Он словно думал вслух:

— Чорт его знае, что оно такое началось. Сегодня утром заходит в хату какое-то дерьмо, да все кругом в оружии, да в ремнях, да не в каких-либо ремнях, а в новых.

— Эге! — слышался сзади голос Савки.

— А это ж все гроши.

— Эге!

— Вставай, говорит, вези, довольно спать. А я три ючи не спал, возил.

— А оце недавно перед вечером перевозил я с Митрофаном одну партию. Так одно, чорты его батька бери, в очках, вроде того, что возле тебя сидит, тоже в новых ремнях, так еще револьвер вытянуло, да кричит — вези, говорит, скорей, ку-куль. Ей-богу, правда. А у самого руки дрожат, и ючи вытаращил, как ерш чи окунь, от страха. Вот творение, хай бог милует.

— А-а, чорт зна що.

— Эге. Так товарищи вступились, спасибо им. Что же ты, говорят, чортов сын, дида обижаешь. Да чуть не побили. Так притихло. Вот такая пустота. Ну, ты подумай... О, здорово! — прислушался Платон к оружийным выстрелам. — Скоро, мабуть, появится герман.

Прогремели выстрелы тяжелых немецких орудий. Пролетели перепуганные утки.

— Диду, перевези... — сердился Платон.

— Эге! — подхватил Савка. — А не знают, трясца их матери, что уж кому на войне судилось помереть, так не выкрутишься, никакой челн тебя не спасет. Не догонит пуля, догонит воша, а война свое возьмет... Бери влево! Быстрина велика, — захлюпал Савка веслом.

— Беру. Коли б мой Левко со своим полком был тут, тот бы не отступил, нет. Тот бы этого челна повернул назад да по шеям, по шеям! — рассердился

Платон и налег на весло.— Тот не отступит, нет, чорта с два!

— Эге! Вот такой и мой Демид. Его хоть огнем жги, хоть на шматки режь, ну, не отступит. Куды твое дело! — сказал Савка и плюнул в ладони.

— А ци думают спастись, а оно, гляди, выйдет на то, что долго будут харкать кровью. Это же все доведется забирать назад!

— А доведется,— подхватил Платон и со всей силы гребнул веслом три раза.— Шутка сказать, сколько земли надо отбирать назад. А это же все кровь!

Я смотрел на деда Платона и с трепетом слушал каждое его слово. Дед верил в нашу победу. Он был для меня живым и грозным голосом нашего мужественного народа.

— Наша часть вынуждена была отступить,— сказал полковник.

— Балакай. Не умели биться. Вот тебе и отступление,— сказал Платон.— Что в войсковом уставе сказано про войну. Ну? Сказано — коли целишь в врага, возненавидь цель.

— А где ваша ненависть? — подхватил Савка.

— Эге! А умирать боитесь. Значит, нема у вас живой ненависти. Нема! — дед Платон даже крякнул и привстал на корме.

Мы не знали, что отвечать.

— О, плыве шось. Наш, чи немец?—сказал дед Платон и притянул веслом труп.

— Немец... А, холера на твою голову. Уже плывешь. Ач, куда забрался. В Десну! Успел; нечистый. А вы все думаете да все страдаете. А страдать некогда!

— Я, диду, ненавижу немцев всей душою! — крикнул Троянда и даже привстал от волнения.

— Значит, душа у тебя мала,—сказал Платон.— Душа, хлопче, она бывает всякая. Одна глубока и быстра, как Днипро, другая — как Десна вот, третья — как лужища, а часом бывает так, что и лужицы нет, а так что-то мокренькое, вроде, извините, бык покропил.

— Ну, а если душа большая, а человек нервный? — обиделся Троянда и рассердился тут же на себя. Был он умный и находчивый человек, а тут вдруг вся находчивость словно испарилась.

— А ты прикуй себя от страха цепью к пулемету да и клади врага молча до смерти,—сказал Платон.— А там уже когда-то живые разберут, какой ты был нервный. А то, выходит, ненависти в тебе много, а нервов и себялюбства еще больше. Вот и перевезите, диду! А ненависть твоя потратится на что-либо другое. Какая же ей цена, когда умирать не умеешь?

— Ну, это не всякий может,—пролепетал окончательно сбитый с толку Троянда.

— В том-то и беда. А надо, чтоб всякий мог, когда

враг ломится. Хлеба ж кушать всякий требует. И языками галакать все научились.

— Подай чо-го-го-го! Човен пода-а-а-ай! А-га-га! — донеслось с того берега.

— О, уже распинаются нервные души. Накликают немца. А нема того, чтоб тихо подождать,—сказал Савка.

Проплыли немного молча. Платон начал сильно грести веслом. Видно, ему хотелось что-то еще сказать, чем-то перебить свое недовольство.

— Ты подумай себе, Савка, как это Сталину смотреть на все это. Ведь он же надеялся на них, как я на своего Левко, а оно вот что выходит,—диду, перевези!

— А вы слышали речь товарища Сталина?—спросил Троянда.

— Нет, не слышали,—глухо ответил Платон и вздохнул.

— Эге,—промолвил Савка.—Сколько лет Сталин их учил, ты подумай, Платон. А они бегают. Вот он и говорит теперь: что вы, говорит, делаете? Стойте, не смейте тикать! Чем же дальше вы тикаете, тем больше крови прольется. Да не только вашей солдатской, а и материнской и дитячей крови. Вот такая речь!

— Так товарищ Сталин не гозорил,—назидательно заявил Троянда.

— Не говорил, так еще поговорит,—сказал Савка.— Сталин, он что говорит? Он говорит, что народ думает, вот что он говорит...



— Не знаю, как ты, Савка,—сказал Платон,—а меня бы с Днестра или с Десны не то что Гитлер, а сам нечистый не выгнал бы, не к ючи будь помянут, прости господи.

— Легко сказать, дедушка. А вот посмотрели б вы на танкетки!—оправдывался лейтенант Сокол.

— Ну и что ж?—перебил его Платон, очевидно, не имея никакого желанья выслушивать нас.—Сколько она может убить вас, танкетка? Все равно вам же придется их разбивать, не мнѣ. Я свое отвоевал. А вот Левко мой на Халхин-голе, слышали, что сделал с этими, как их?.. Танкетки!..—разгневался дед.—Людская душа молодецкая сильнее всякой танкетки. Было, есть и будет! Как это в песне про Морозенко поют: «Де проїхав Морозенко—крявая річка»,—вот!

Я не выдержал дедовых разговоров, так тяжело мне стало его слушать. В эту минуту он показался мне жестоким и несправедливым дедом.

— А разве вы думаете, диду, что нам не тяжело? Разве вы думаете, что боль и жалость не раздрают наши души, не мучат, не жгут наши сердца адским огнем?!—простонал я ему в самые очи.

— А что мне думать?—посмотрел на меня Платон.— Думайте вы. Жизнь ведь, она уже ваша, а не моя. А только я так скажу вам на прощанье: не с той чаши налиivate. Пьете вы, я вижу, горе и тоску. Зря пьете. Это, хлопцы, не наши напитки. Это напитки бабские. А бойцу надо сегодня напиться крепкой лютости к вра-

гу до злобы. Это ваше вино. А горе и жалость—не ваше занятие. Жалость подтачивает человека, как червь. Побеждают быстрые да сердитые, а не жалостливые!—сказал дед Платон и умолк. Он высказал, наконец, свою мысль. Это была его правда. Он возвышался на корме, суровый и красивый, и смотрел вперед поверх нас.

В это время недалеко от нас упал снаряд и поднял вверх огромный водяной столб.

— Ого!.. А что рыбы поглушит в речках!..—послышался голос Савки.

— Теперь поглушит,—сказал Платон.—Позапрошлую зиму подохла от задухи, а теперь немцы гранатами высадят дотла. Опустеют теперь и речки и все на свете. Приехали.

Челн мягко уткнулся в речной песок. Я вышел на берег совершенно опустошенный и вместе с тем какой-то совсем иной, новый. Как будто я утопил в Десне и свою печаль, и тоску, и отчаяние отступления. Я оглянулся. За Десною горело. И красное зарево пожара как-то по-новому осветило мою душу. Нестерпимый огонь прожег меня насквозь. На мгновение мне показалось, что, кинься я сейчас назад в Десну, и вода б расступилась передо мной. Этого, хлопцы, я никогда не забуду. Мы стали прощаться с дедами, спеша в кусты.

— Постойте трохи,—сказал Платон, опершись на весло.

— Так что ж прикажете передать герману? Как встречать его, как в глаза смотреть?

— Передайте, что мы еще вернемся. Не дрейфьте, дед, вернемся,—попробовал подбодрить деда Троянда.

Дед посмотрел мимо планшеток Троянды и легонько сплюнул.

— По-дай го-го-го-го! Ого-го-го! — донеслось с того берега.

— Прощайте, спасибо,—тихо говорили мои спутники, уходя в лозы.

— Идите себе,—равнодушно сказал дед Савка. Платон молчал.

Мы ушли в лозы. Я шел последним и думал про деда Платона. Спасибо ему, думал я, что не пожалел нас, не окропил наши дороги слезами, что высек из моего сердца огонь в ночи... Отчего ж ты, правда, так горька и солена подчас, думал я и остановился. Потом я побежал назад к Десне.

Я должен был что-то сказать на прощанье деду Платону. Я выбежал на берег.

Платон стоял у самой воды с веслом, как пророк, неподвижный, и, очевидно, глядел нам вслед.

— Прощайте, диду. Простите нас, что не уберегли вашу старость,—сказал я, задыхаясь.— Мы вас, диду, никогда...

— Иди, не крутись перед очами,—сказал Платон, даже не взглянув на меня.

По сухому, темному его лицу текли слезы и падали в Десну.

Вот, друзья мои, и все. Вот и весь секрет мой,— сказал капитан Колодуб и зажег трубку.

Все в землянке вздохнули.

— Сейчас я—Герой Советского Союза. Много я уничтожил врага, что и говорить. Много пострелял в наступлении и гусеницами подавил немало. Вывало, поверите, тошнило от хруста немецких костей. И сам попадал не раз в переплет. Но где б я ни был, как бы ни бушевали вокруг меня вражьи ветры, им никогда уж не попасить того огня, что зажег во мне когда-то в челне дед Платон... Что наша жизнь? Что наша кровь, когда страдает вся наша земля, весь народ? — голос капитана зазвучал, как боевой сигнал.

— Я, хлопцы, в бою сторукий, помноженный на сто раз гнева и ненависти! Так.

Капитан Колодуб усмехнулся.

— А все-таки ничего в жизни я бы так не хотел, как после войны поехать на Десну к деду Платону...

— И сказать ему, что он ошибался, товарищ Герой Советского Союза. Добрый вечер! Ну, как?—раздался у дверей бравоый голос Бориса Троянды, что уж с полчаса как зашел в землянку.

— И поклониться деду Платону в ноги за науку,— оказал капитан, словно не слыша вошедшего.

Стало тихо. Никто не двигался, словно все танкисты мыслями были еще на Десне.

— Нет, товарищ капитан, не поклонитесь вы деду Платону,—вздыхнул молодой танкист.

Все оглянулись. Это был Иван Дробот. Он стоял в дальнем углу землянки. Он был как-то особенно взволнован рассказом.

— Деда Платона, товарищ капитан, уже нет в живых,—сказал Дробот.—Как только вы ушли с лозы, сразу подбежали немцы. Долго били они деда за перевоз, хотели было расстрелять, а потом прибыл приказ им немедленно переправиться на другой берег. Ну, повезли. Насело их полным-полно. Выплыли на середину Десны, тогда дед Платон и говорит: «Савка, прости меня!—Бог простит. В другой раз!—Бог простит. В третий раз!—Бог простит.—Прости и ты меня, Платон!—сказал дед Савка.—Бог простит: В другой раз!—Бог простит. В третий раз!—Бог простит!» Да за третьим разом как подняли они весла, да как бросились сразу на правый борт, так и перевернули челны. Все потонуло: и пулеметы, и немцы, и деды. Один только я выплыл на наш берег.

— А кто ж ты такой?—тихо спросил капитан Колодуб.

— Я внук деда Савки. Я сидел на втором весле.

— Встать!—скомандовал Колодуб.

Все встали. Долгую минуту стояла молча семья бойцов.

Капитан был бледен и торжественен. Он стоял с за-

крытыми глазами. Потом он опустился на одно колено, и все последовали за его движением.

— Готовы к бою?—спросил Колодуб и вырос перед бойцами, как дед Платон на Десне.

— Готовы на любой огонь!

Тихо стало в землянке. Тихо и на позиции. Только далеко на горизонте качался в небе огненный знак прожектора.

-----

## ВЕЛИКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Под ураганным огнем противника, бомбардируемое сверху и снизу, ломая все преграды на пути, крупное подразделение бросилось в пограничную речку, соединяющую русскую и украинскую земли.

От ярости бойцов, от страсти броска, казалось, закипела вода в реке, забултыхла, забрызгала кровавыми брызгами, расступилась. Подразделение героев выскочило на украинскую землю.

Но что это? Почему не бросилось оно дальше вперед? Зачем стали бойцы? Почему стало тихо?

— На колени!—раздалась команда на незнакомом языке. Это были казахи, и командир их был казах. Они стали на колени.

— Здравствуй, братская украинская земля!—сказал командир громко и взволнованно, и волнение пробежало по рядам всех молодых казахов. Все, как один, припали они к украинской земле и поцеловали ее.

— Мы пришли освободить тебя от фашистского ига!—сказал командир, показывая широким жестом на бойцов.

— Пришли пролить за тебя свою кровь, сестра наша... Прими наш боевой привет и привет наших матерей и отцов казахов. Прими нашу дружбу и...

На мгновение страшный грохот пролетающих машин и рвущихся бомб заглушил голос командира. Забились и застонали высоким стоном раненные кони. Враг пошел в контратаку.

— Мы много можем сказать тебе, сестра наша. Но некогда. Встать!—крикнул командир.—Вперед!!!

— Вперед за Украину!—крикнул боец Умурзанов.

— За Украину, за Сталина!—крикнул минометчик Турдан, крикнули все казахи и бросились в бой с невиданной силой. Как бились славные батыри-казахи за сестру свою Украину, об этом пропойт и расскажут народные акыны Казахстана. Как окропили они «вражью злою кров'ю» волю Украины, об этом напишут благодарные поэты Украины. Это дорогое и незабываемое никогда, никогда.

Горячо и страшно бились казахи и множество врагов уложили они в этот великий день. Один батырь—Урсулай Джалгосбаев убил в этом бою 20 фашистов. А как бился казахский народный учитель Джахсигалиев, как сражался раненый колхозник Джума Галиев, Канесов, Андияев, сколько они положили немецких трупов!

Долго будут вспоминать подлые фашисты и их дурноголовые, вороватые родичи этот бой. Не одна тысяча бездушных, алчных немок огласит Германию своим хищным воем, не одна проклянет Гитлера ночью в мок-



рую от слез подушку. И многие солдафоны-гитлеровцы будут всю жизнь кричать во сне, хватаясь в ужасе за те места, где были когда-то ноги, глаза, руки, потерянные в этом бою.

Много погибло врагов. Но много и казахских молодых очей закрылось, не увидеть им больше никогда своих безбрежных, как океан, прекрасных казахских степей, своих матерей и молодых казашек, ни быстрых табунов своих, ни беркута в небе.

Полегли в бою казахи-батыры. Освятили дружбу, разлили кровь и сами уснули на украинских ланах. И навсегда уже осталась неумирающая слава и благодарность и гордость седых казахских дедов и вдохновение лучших, быстрых юношей и всех казахов, какие будут жить после нас долгие столетия.

Но не судилось нам, видно, в это лето очистить Украину от немецких палачей. Собравши все, что было можно,—румынов, венгров, итальянцев, недобитков финляндских, несчастных словаков и всю свою «арийскую» человеконенавистническую рать, всех вырожденков, рахитиков, горбатых и немых, вскормленных в звериной ненависти к нам девиц волчицеподобных, семнадцатилетних гончих псов, всю технику Европы, всех генералов-классиков невиданных убийств и разрушений,—все под метолку вычистил кровавый Гитлер, заметался, застучал по Юго-Западному, по Южному фронту, навалился, прорвался и вторгся к нам на юг в казацкие старые земли.

Сегодня льется кровь рекою на Дону. Горят наши хлеба и топчутся фашистским чоботом богатые колхозные поля. Тысячи смертоносных машин на тысячи машин, миллионы против миллионов. У преддверия Кавказа гремят грандиознейшие в истории всех войн народов бои.

Враг захватил большие пространства, множество народа нашего влачит чудовищную жизнь бесправных пленников фашизма.

Над Родиною нависла угроза.

Фашистские машины задыхаются от жажды.

— Нефти!—кричит Гитлер.—Нефти! Кавказ или смерть!

У трусов и растяп этот истерический «психический» крик вызывает под коленями дрожь, наполняет живот холодной мятой страха.

Кое-кто думает, быть может, в тоске и смятении, а не согнулись мы уже? Не подмок ли порох? Не пропали-ль мы в этой гигантской борьбе, как европейские государства пропадали? Быть или не быть?—гадают гамлеты и гамлетницы.

Мы извержно погибли бы все, исчезли с земли и следа бы нашего не осталось на ней, если б мы бились, как бились народы Европы,—порознь, в одиночку. Не быть бы нам ни русскими, ни украинцами, ни свободными казахами, ни узбеками, ни белоруссами—никем. Были б мы немецкими согбенными рабами на наших растерзанных и не своих уже землях.

И проклинали б наши жалкие потомки наш сорок второй кровавый год и нас, бойцов, которым Родина доверила свою защиту в самый грозный час.

Тогда не матерью, а злою мачехой стала б история для нас.

Но этого не будет. Этого быть не должно!

Как бы нам ни было тяжко, как бы на фронте и в тылу нам ни было трудно и вчера, и сегодня, и, может быть, в будущем. Как бы ни был преступно коварен первый внезапный удар прошлого года. Как бы ни были мы недостаточно злы и жестоки для войны и не натренированы для нее, как натасканы немецкие псы,— враг не должен победить нас никогда!

Есть у нас сила, которой нету равной силы в мире. Есть у нас такое богатство. Это—братство советских народов, воспитанное и возглавленное нашим учителем Сталиным. Это—сила истории человечества. Сила закона развития человечества. Сила братства. Это—та несокрушимая точка в человеческом сознании, о которой когда-то великий геометр Архимед сказал применительно к науке: «Дайте мне точку опоры, и я подниму землю».

Великий Гоголь сто лет тому назад так говорил устами бессмертного казака Тараса Бульбы своим запорожцам перед боем:

«Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство; вот на чем стоит наше товарищество! нет уж святее товарищества. Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать: но это не то,

братцы, любит и зверь свое дитя! но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек... Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество. Уж если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не дозедется так умирать! никому, никому! не хватит у них на то мышинной природы их!»

«Так говорил атаман... самые старейшие в рядах стали неподвижны... слеза тихо накатывалась в старых очах... Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удачью и всяким невгодьем жизни...»

Прошумели столетья... Грянул гром, и среди грома и прохота переключки веков звенят могучим набатом гордые голоса Тарасовых правнуков.

— Родина моя! Земля русская! Любимый товарищ Сталин!—пишет перед смертью в дзоте черноморец Калюжный.—Я, сын ленинского комсомола, дрался, как подсказывало мне сердце, бил гадов, пока в груди моей билось сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим!

— Мы победим! Мы видим победу!—гукнули под Севастополю пятеро бессмертных и с гранатами в руках бросились под танки врага и взорвались с ними на весь человеческий мир.

— Братья, я вижу победу из-за облаков!—гремит величественный русский истребитель дважды Герой Бо-

рис Сафонов, повергая на землю двадцать пятый вражеский самолет.

— Товарищи, победа будет за нами!—кричит капитан Криклий, первый герой «Ордена отечественной войны», наваливая груды горящих вражеских танков.

Так о победе будем думать сегодня с особенной страстью, о товариществе! О несокрушимой воле к жизни, о бесстрашии и победе!

Вот о чем нужно думать сегодня каждому защитнику Родины.

Ни шагу назад! Трусам смерть! Труссы—это яд. Убей труса на месте, командир! Не пожалей. А если сам попытаешься назад без приказа и повернешь спину к врагу—прикажи, чтоб убили тебя.

Чтоб не смотрели наши матери в уходящие спины трусов!

Чтоб не плакали невесты и дочери наши в объятьях грязных фашистских собак!

Чтоб не увозились в неволю, не продавались, не растлевались за шмат гнилой кожины, голодая.

Крепите товарищество, братья! Родина хочет гордиться вами и прославлять ваши имена.

Все, у кого бьется человеческое советское сердце в груди,

все, кто не хочет предать погибели свою семью—отца своего, мать свою и детей своих и весь род свой;

все, кто хочет жить по-человечески и свободно про-

должать свой род, а не вымирать в немецком беспросветном рабстве.

все, кто не хочет, чтоб его имя презиралось всем миром и проклиналось потомками в немецком рабстве, как имя ничтожества, не понявшего всего величия выпавшей ему судьбы, всего величайшего значения жизни Советского Союза, защитником которого он имеет честь состоять,

приложите ухо к земле. Слышите? Вам приказывает Родина—ни шагу назад!

Вам приказывают миллионы проливших кровь ваших раненых товарищей.

Вам повелевают гневные товарищи, благородно павшие с честью на полях сражений.

Вас зовут герои Севастополя, удивившие мир своей доблестью и прославившие Родину и ставшие в смерти бессмертными.

Остановитесь, ни шагу назад!—взывают к вам с высот, из ям, из пожарищ, из руин замученные фашистскими варварами отцы, и сестры, и дети ваши.

Сегодня, в грозный час, Родина напоминает вам вашу историю, боец и командир, историю ваших отцов и дедов, и прадедов, и прапрадедов.

Довольно! Надо отдавать в трибунал всех «философов» и доморощенных стратегов, утверждающих, что так как наше дело правое и мы победим и народ бессмертен, то уже не важно, отступить ли в боевой игре на какую-либо сотню километров, или нет. Отступатель-

ские настроения нужно выкорчевать самыми решительными мерами.

Сегодня отступление без приказа равно предательству.

Враг на Кавказе—гадюка в сердце—выпьет всю кровь. Это гибель нефти.

Не допускайте врага к сердцу, не давайте ему выточить из нас кровь ни за что!

Что делать?

Ненавидеть! Ненавидеть врага и, ненавидя, побеждать, но не отступать, проклиная врага и боясь его, то-есть своей смерти.

Настоящая ненависть не любит отступать. Она не отступает. Она уничтожает.

Отступает проклятие и боязнь,—подделка ненависти.

Ненавидьте, побеждая! Помните, это не войны сражаются с вами. Это скопище разгоряченных и наглых бандитов. Это убийцы и воры на нашей земле!

Вспомните, как много и страшно вы били их. Еще удар! Еще удар!

Не надо думать, что так уж неодолимо сильны эти гады. Да! Это сила. Но это последняя сила, шулерская. Это также и психическая атака в грандиозных размерах, то-есть нечто рассчитанное на добавочную силу впечатления. Это бешеный немецкий воровской автомобиль. Он мчится напрямик со скоростью сто километров в час. От его бега шарахаются люди, дивясь силе мотора и шоферской отваге. И иным невдомек, что бензина в машине всего лишь на дне.

Не знают этого ни встречные, ни многие даже бандиты в машине. Лишь поглядывает банда по бокам, пугая прохожих и свистом, и ветром, и громом.

Только водитель не весел. Он знает, что под нашими ударами может сломаться его машина, так и не добравшись до Кавказской бензиновой колонки.

Жмёт, а вдруг доберется! Вцепился бандитский атаман в бублик руля, челюсти сжал и прерывисто дышит, газует во всю.

Добежит или нет? Добежит или нет?

Нет! Не должен добежать!

Защитники советского народа! Родина приказывает— не должен добежать ни за что!

Он бросил на нашу землю полчища ненавидящих нас разъяренных зверей. Против зверей стоим мы—разгневанные братья Великого Советского Союза.

Зверя-правителя поборет человек-товарищ.

Подыдем же, братья, товарищество на такую высоту, чтоб радовало оно и освещало весь добрый человеческий мир! Вперед к победе! За Сталина! За советскую Родину! За Кубань, за Дон, за Белоруссию, за родную многострадальную нашу Украину!

---



## УКРАИНА В ОГНЕ

От Сана до Донца потянулись долгие, долгие дороги, города, и села, и предместья, и всюду женский незабываемый плач. Плакала Украина:

— Ой, сыны моя, сыночки, дети мои, на кого вы меня покидаете?

Оглянитесь. Есть ли на свете еще такие поля, такие пшеницы, сады, такое небо?

Горели поля, пцлали хлеба. Черный дым поднимался г небеса, как народный гнев, как гнев мужей-воипов, справа и слева, и позади, сколько око видит...

Воют псы по ночам, вещают недолю, и невиданные птицы летают над нами ночью и вещают недолю, и ре-рут волы и коровы и вещают недолю.

Земля наша, украинская, мученица наша, в огне ты, в огне!

— Дети наши.

— Брат мой, муж мой любимый.

— Батько наш молодой, зарежет нас немец! Выпьет

нашу детскую кровь, заморит нас вшами да голодом. Батько наш красивый...

Прощайте, мои нежные цветы, прощайте, мы вернемся!

**Мы вернемся!**

Не плакали девчата. Поили холодной водой и молча всматривались в очи широко открытыми очами и молча вопрошали смутную судьбу свою:

— Что ждет меня? Что ждет красу мою девичью, мою молодость?

В девичьих очах была невыразимая печаль и тяжелое предчувствие недоли.

Замерли сердца девичьи в немой тоске.

Миллионы лучших сынов Украины уходили на восток, оставляя за собой невиданное немецкое кладбище.

Как рассказать об этом? Когда мы сжигали свои хаты вместе с немцами и убегали в леса и овраги, оглядываясь на свое горе.

— Прощайте, дети наши и жены наши!

За ваши муки не пожалеем ни железа, ни крови, ни пота, ни труда, ни самой заклятой горячей ненависти, ни жизни своей. Чтоб вечно жила земля наша украинская, чтоб никогда народ наш не стал немецким рабом, никогда и ни за что.

Никогда, сколько свет стоит, не была Украина такой богатой и пышной, такой невиданно прекрасной, как в то лето. Кто прошел по ней, — не забудет вовек.

И никогда над светлой и радостной красотой не нависали такие темные тучи.

Никогда еще красота не была так исполосована рубцами злодейств, как злодейства врагов наших — фашистов.

И стоит Украина перед нашим духовным взором в огне, как неопалимая купина.

Горит и будет гореть до смерти в наших сердцах безграничная любовь к великой нашей матери.

Не померкла для нас красота ее. Печать трагедии слелала ее еще более прекрасной, еще более дорогой нам.

Не померкнули и богатства ее, пока живы будут ее дети, сыны и дочери, всегда любящие труд, все хорошее, все красивое. Пока живы будут ее сыны-воины под красными знаменами Сталина, с твердой рукой и щедрым сердцем.

Сын, брат мой дорогой, товарищ мой! Не жалея ничего для победы, освободитель и мститель, закаленный в боях, слава тебе!

Ты был щедрым на жертвы. Со страшным громом и скрежетом зубным взрывал ты воплощенную мечту свою — заводы и фабрики.

Ты не пожалел своего первенца — бесценную днепровскую плотину — ДнепрогЭС, величественное творение твоего гения. Миллионы кубометров бетона замесил было ты своими молодыми ногами, распевая новые песни среди дорогих запорожских могил.

Прощай, Днепрострой! Укоротили мы твой век,—так нужно. Не суждено тебе светить нам — не свети же и немецкому кату.

Подымайтесь, бейте, пороги! Разливайся, Днепр, разнеси по всем морям безудержный гнев наш, нашу бессмертную волю! Не за горами наша победа. Замесим еще новый бетон и возведем тебя, Днепрострой. Еще более могучий и прекрасный, засветишь ты тогда добрым людям уже на вечные времена.

Так жертвовать мог только народ, вдохновленный учением гениев Ленина и Сталина, народ украинский, советский, богатырь-воин.

Не пропадут напрасно эти жертвы, не исчезнут из людской памяти невиданные пожары и гневная сила народных жертв. Черный дым, что поднялся над нашей истерзанной землей к самому небу, как суровый и грозный завет, как грозный клич к мести, — кто его забудет? Кто забудет удивительные жита наши, наши пшеницы, сады наши, все наши колхозные широкие просторы, зреющие такими плодами, такой красотой, такой любовью и гордостью трудов людей наших, каких нигде не видел мир? Кто забудет, как горели сны? Как разрывались и раздирались они огнем и железом?

Никто и никогда! Наша жертва будет жить вечно. Долгие века будут светить огни наших жертвенных пожаров в сердцах грядущих поколений, всех славян и всех народов, как гигантский и величественный знак нашего могущества и величия в роковую минуту, когда

решалась на наших колхозных полях судьба человечества.

Так за Днепр, славные рыцари, за сады, за фабрики наши по волкам фашистским, по гаду-Гитлеру — жестокий огонь! В самые ихние волчьи морды, чтоб ослепли они и сгнули в тартарары!

Юноша-воин! Тебя растил и воспитывал Сталин! Он готовил из тебя строителя великой социалистической державы, участника прекрасной эпохи великих работ.

Ты вырос мужественным и добрым от своей доброй, мягкой украинской природы и своего великого учителя. Ты был весь в работе творческой, и вся земля твоя, твои необъятные поля уже начали петь песню твоему вдохновению, и твои старые родители радовались, глядя на тебя, и моделили душой.

Лет через пятнадцать, во цвете лет твоих ты неузнаваемо преобразил бы свою землю. Ты посадил бы сто миллионов фруктовых деревьев на Украине, ты преобразовал бы ее пейзаж и даже климат и жил бы в саду своем, воспетый своими поэтами, прославленный своими художниками.

И я, художник твой, поставивший целью своей жизни возвеличение твоего имени и твоей эпохи, умер бы тогда счастливый твоим счастьем и счастьем и красотой детей твоих и твоих братьев — советских народов.

Юноша мой, товарищ, добрый, сердечный и мужественный, забудь доброту свою!

Ворвалась в нашу жизнь жестокая, лихая година.

Людоеды из-под Рейна завалили нашу Украину, как обвалом.

Упало на нас немецкое фашистское зло.

Украина в огне! Украина в ярме!

Юноша, брат мой, спрячь доброту свою.

Ожесточай свою душу, ненавидь врага-людоеда!

Пусть захлебнется он от ненависти твоей, пусть погибнет от твоего огня.

Будь бездонно щедрым в воздаянии за зло, содеянное тебе!

Ничего не забудьте, ни одной слезы!

Целься, снайпер, сокол!

Целься, партизан!

Смотри на твоей мушке — не человек. Это мерзавец, изломавший твою жизнь, ворвавшийся на твою честную землю и сказавший:

«Я пришел уничтожить твой род. Я уничтожу, твоих маленьких сынов, чтобы не было у тебя рода.

Я изнасилую и оскверню твою жену, твою невесту, чтобы не было у тебя рода.

Я изморю голодом твоих родителей, чтобы не было у тебя имени.

Я сожгу твои старинные города, чтобы не было у тебя истории.

Я уничтожу памятники твоей культуры, чтобы не было у тебя души.

А народ твой я замучу тифозной вшой и каторжным

трудом, чтоб осталась от него лишь кучка рабов, батраков моих.

На земле твоей я посею 25 миллионов немцев, датчан, голландцев...

Довольно! Генуг!»

И потекла кровь.

Вся тупость, вся жестокость, все безумие ницшеанствующих ефрейторов, моральных и физических дегенератов — все обрушилось на нас.

Земля моя украинская, какая погань ползет по тебе.

Садисты, предающие огню тысячи живых людей наших, закапывающие живых в землю, мучающие пленных, прикрывающиеся в боях за спиной женщин наших! Палачи, соорудившие тысячи виселиц по всей Украине.

Будет суд. Он не за горами. Будет судиться настоящее с прошедшим, будет судиться свет со тьмою.

Со всех концов мира миллионы истерзанных, задавленных, повешенных, сожженных, утопленных, отравленных, замученных, расстрелянных, зарезанных, заколотых, разорванных мужчин, женщин и детей — жертв безумной гитлериады — встанут из окровавленной земли и протянут свои страшные руки.

Товарищи мои, сыны мои. За нашу украинскую советскую культуру — огонь! Бейте фашистов сильно, по-запорожски.

Зорко смотрите вперед. Вот они идут в психическую атаку, пьяные убийцы ваших добрых, приветливых матерей. Вот они, мерзавцы, дикари из джунглей фа-

шистской Германии, кровавое пятно позора и упадок человечества — фашисты, гитлеровская банда.

Скорбными и полными надежды глазами всматриваются на восток наши родные и шлют нам из своих истерзанных горем сердец свои благословения, свои надежды, свои призывы. Огненными птицами летят их призывы и кружатся над нами.

«Дети мои,— пишет одна мать,— желаю вам скоро победить и возвратиться домой к своим семьям, к своим детям, к своим родителям, а особенно к матери, у которой сердце обливается кровью от злости на врага. И приходит та секунда — чувствуешь слабость своего здоровья, но думаешь, пустили бы на фронт, то, кажется, одна уничтожила бы целые немецкие дивизии, а Гитлера разорвала бы на куски, а его паскудное мясо повесила бы на сухое дерево, чтоб черные птицы клевали очи, не осквернив его поганым телом недр нашей земли.

Жду я, мои деточки, вести от вас, что Гитлер повешен на суку украинского старого Сухого дуба, что в Черном лесу. Я сама посадила его лет пятьдесят тому назад. Милая моя Украина, я думаю, Союз наш Советский непобедим»

Так за матерей наших, за наших дорогих — огоны! Огонь до самого неба, хлопцы! Чтоб не пролилось даром ни одной материнской слезы, чтоб сверкала она, как капля священного, дорогого огня, чтоб освещала она ваши рыцарские сердца и поднимала дух ваш до



величайших вершин благородного гнева и ненависти, до величайшей готовности на бессмертные подвиги и на самую смерть, кому придется умереть. Умереть если, так уж так, как умеют умирать только герои-большевики, молодые веком и великие душой товарищи наши.

Ничего, ничего не пожалеть, ни труда, ни ненависти, ни тягости боя, ни страха боя, ни вдохновения боя, ни самой жизни!

Все, все отдать, все исчерпать, коли уж на то пошло. Всю свою бездонную славянскую украинскую душу, чтобы тысячи лет ваши бессмертные имена читались стоя и гремели громами.

Будьте же бесстрашны и щедры! Не бойтесь героической смерти! Не бойтесь!

Боец, сын мой дорогой! Огонь за Ленина, за великого Ленина, который поставил тебя первым под свое красное знамя, просветил тебя и вывел в первые ряды достойных народов человечества.

Брат мой дорогой, колхозник, шахтер, агроном, учитель, инженер, студент!

Жестокий огонь по врагу культуры Советской Украины, по убийцам и душителям украинского, белорусского, еврейского, русского народов, по обманщикам, по предателям и продажным душам, торгующим народом, Украины.

Невиданный огонь за Украину, за Советскую Украину. За Советский великий Союз и за все славянство!

Огонь за урожай на земле нашей, политой кровью нашей и славных прадедов наших — запорожцев!

За чистосортные семена, за племенных коров и коней, за лучшие в мире, прекрасные колхозные сады, за пашеки, за цветы, за все, что цветет!

За колхозные наши, родные, вечные, необъятные народные украинские поля, лучше которых нет ничего в мире, радостнее которых нет ничего и нигде в мире!  
Огоны!

За все выстраданное и завоеванное дедами и прадедами нашими, за все построенное вашими благородными, честными руками — огонь, родные мои, огоны!

Презирайте гитлеровское рабство, как смерть!

Любите Советский Союз, как жизнь!

Жизнь побеждает, жизнь победит!

Пусть же здравствует и красуется земля наша украинская, советская!

Пусть живет и здравствует великий Советский Союз!

И пусть бессмертными станут ваши дорогие имена!

За великого Сталина — огопы!

56

87. 53 r.

Цена 20 коп.